

Софья А. Оршатник

Река Тщерть (роман-старница)

Софья А. Оршатник родилась в 2001 году. С детства пишет стихи и прозу. С 2018 года живёт в Москве. Учится в Литературном институте. Стихи публиковались в «Дружбе народов» и др.

Аннотация

Всякий город стоит на реке. Не всякий человек к реке возвращается. А зря.

Синопсис

Гера Дождиков утрачивает зрение и, оказавшись в больнице, романтизирует обстоятельства, при которых это произошло, многократно проигрывая в памяти сцены из прошлого. Вслепую мальчик влюбляется в медицинскую сестру, ухаживающую за ним. Кажется, никто больше не способен его понять – ни появляющийся впервые неуклюжий отец, которого мать обвиняет в беспросветности своей жизни и жизни детей, ни сама мать, ни сестра. О единственном появлении отца Гере напоминает забытый сотовый. Вскоре мальчика выписывают. Зрение восстанавливается медленно. В родном посёлке он становится объектом насмешек одноклассников. Гера испытывает недоверие к окружающим. Он включает сотовый отца и причащается иного мира, который пока непонятен, но привлекателен. Этот мир населён своими героями, которые будто бы помогают Гере, внушают уверенность, заставляют жизнь налаживаться. Но спустя время Гера осознаёт и опасность, исходящую от этой вселенной, и покидает посёлок незадолго до выпускного из школы, узнав о гибели сестры и друга детства. В городе он пытается разыскать отца, но поиски тщетны. Скитаясь, случайным образом Гера попадает в обособленную коммуны «ходоков», исследователей реальности, каким-то образом связанных с отцом. Здесь свои странные законы и традиции, время циклично и подчинено главному – Ходоку, и вскоре Гера понимает: необходимо двигаться дальше. Втроём с другом отца Шаманом и потерявшейся девчонкой Варешкой они отправляются в путь, но Шаман, знавший некий план, погибает. По реке Тщерть герои добираются до родного посёлка Геры, но невозможность войти в одну и ту же воду дважды заставляет их продолжать движение и приводит в Москву. Варешка (Варя) мечется между претензиями на богемную жизнь и простым незаметным созиданием. Гера живёт мечтами о ребёнке, дочери, но оказывается не вполне готов к беременности Вари. Его терзают сомнения. Герои снова срываются в путь, на котором встречают людей из прошлого. Ходок увозит Варю с нерождённой дочерью, Гера преследует их, параллельно мысленно проживая разные варианты собственной жизни, делает вывод о бессмысленности происходящего и погибает от руки Ходока. У случайного человека, живущего на реке Тщерть, рождается девочка, похожая на дочь Геры.

Содержание

0 – СОЛНЦЕ НАД РЕКОЙ.....	1
I – ОВОЩ.....	2
1 – ГЛАЗНЫЕ ЯБЛОКИ И ХЛЕБ.....	2
2 – БАБАУСТИНЬЯ.....	3
3 – КАРТОФЕЛЬНАЯ СВАДЬБА.....	4
4 – МАЙСКИЙ ЖУК.....	5

5 – ОТЪЕЗД.....	6
6 – ВАН ДЫРАСТ.....	7
7 – ЭЙ ТЫ, ЧЕРЕПАХА!.....	8
8 – ИСКУССТВЕННОЕ ДЫХАНИЕ.....	9
9 – ВЕТКИ.....	10
10 – ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК.....	11
II – ВСТАНЬ И ИДИ.....	14
1 – ПЛАКАЛЬЩИЦА.....	14
2 – НАШЕ ДЕЛО – СТОРОНА.....	15
3 – КУДА ИДЁШЬ?.....	17
4 – ХОДОКИ.....	18
5 – КЛУБОК.....	20
6 – НА СМЕРТЬ ЖУКОВА.....	23
7–МОЯ ОЧЕРЕДЬ.....	23
8 – НАЗОВИ СЛОВО.....	25
0 – ХОЖДЕНИЕ ПО ГРЕБНЮ.....	27
9 – САМОПРИХОДНОЙ ЧУВАК.....	28
10 – КАПУСТНОЕ ПОЛЕ.....	30
0 – ХОЖДЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.....	31
11 – ИМЯ ЕГО НЕИЗВЕСТНО.....	34
0 – ХОЖДЕНИЕ ЧАСОВ С КУКУШКОЙ.....	35
III – БЕГУЩИЕ ОТ ГРОЗЫ.....	36
1 –ОДНИ СПЛОШНЫЕ ЧЕРВИ.....	36
0 – ХОЖДЕНИЕ ПО САДУ.....	37
2 –ЗМЕЯ-ПЕРЕВЁРТЫШ.....	40
0 – ХОЖДЕНИЕ ЗА ПРЯНИКАМИ.....	47
3 – ОДИН – ОДИН.....	48
0 – ЛЮЛЕТОВЫЙ.....	49
4 – Я ЗНАЮ ВСЁ.....	50
5 – ВЕДЬМА.....	51
6 – МИМОЗА.....	54
7 – ТЕПЛЫНЬ.....	56
IV – САМО СОБОЙ.....	57
1 – КОННЕКТ.....	57
2 – КРОЛИЧЬЯ НОРА.....	58
3 – ТВАРЬ.....	59
4 – САТЫРОС.....	60
5 – О МУЖЧИНАХ.....	62

6 – ПЛЕВАТЬ.....	63
7 –СИНЯЯ ВОДА.....	64
0 – СГУЩЁНКА.....	66
8 – СЛОВО.....	67
V – БЕЛЫЙ ПОЦЕЛУЙ.....	68
1 – БУСИНА.....	68
2 – НЕСБЫВАЕТСЯ.....	69
0 – ПТИЦА НИГДЕ.....	71
3 – КАРТИНКИ.....	73
0 – ОТ ЗВЕЗДЫ ДО ВОДЫ.....	73
4 – БЕЗГОЛОВЫЙ.....	74
0 – ЮЖНАЯ НОЧЬ.....	74
5 – МУЖИК.....	75
6 – СТРАННОСТИ СОЛНЦЕЗАЩИТНОГО.....	76
7 – СПАСТИ ИСТОРИЮ.....	77
8 – МОЯ ВОЛЯ.....	78
9 – ПОЗОВИ РЕКУ.....	81
10 – ВЫ СЛУШАЕТЕ?.....	82
0 – ИЗЯМ.....	83
11 – КЛЮЧ.....	85
0 – САМОБРАНКА (ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ ХОЖДЕНИЕ).....	85
12 – ВИШНЯ.....	87
0 – ЧЕРЕПАХА, ТЫ КУДА?.....	90
13 – ПОРА.....	92
***.....	94

Меня уверяли: героя нужно искать в себе.

– Поступи благородно, не запутывай читателя, используй ономастическое тождество, поверь, книгу гораздо легче читать, когда имя героя совпадает с именем на обложке, – говорили мне, – и автору как-то хочется верить, сразу видно, простой человек, из нашей среды, а не какой-нибудь там Пантагрюэль Возвышенный или Кондратий Вопреки!

Что удивительно, вышеупомянутые субъекты действительно встречались мне. Я обнаруживала их на моей же стене в фейсбуке преимущественно мочившимися на эту стену. Однако видела стена и приятные неожиданности – две поэтессы (Крюзман и Бебер, кажется) наперебой расхваливали мою «народную» фамилию, советуя податься в почвенники и воспеть в поэме крестьянскую борозду. Или бороду?..

Но Бебер и Крюзман зрили всё же не слишком глубоко, и вопреки их поверхностным, пусть и лестным прогнозам, я обратила стопы свои к Эвересту крупной прозы. Во время восхождения я едва избежала участи погребения под лавиной аористов, причиной

преждевременного схода которой были следующие события, описанные очевидцами: кто-то куда-то пошёл, что-нибудь сделал и обязательно что-то эдакое при этом сказал. Впрочем, не всем так повезло, как мне, – в аористах с сенбернарами отыскивали какого-то окоченевшего беднягу, привезли на базу, и мне удалось даже переговорить с ним, но после этого я утратила всякий интерес к пострадавшему, отметив про себя: не мой герой.

Вот так я сходила на Эверест крупной прозы и вернулась ни с чем, даже, можно сказать, ушла в минус – потеряла любимую термочашку, согревавшую меня глотком здравомыслия в нелепейших ситуациях. Среднерусская равнина встретила меня равнодушным радушием, и я провела несколько замечательных дней в четырёх стенах фейсбука, беспокойство и неоднородность которого располагали скорее к написанию плутовского романа, и хотя мне из этических соображений не хотелось при содействии героя-жулика обводить читателя вокруг пальца, я нечаянно сделала именно это – обманула всех и вся, главного героя назвала рекой, потому что мне и дела никогда не было до всяких народных Кондратьев Вопреки.

0 – СОЛНЦЕ НАД РЕКОЙ

Видишь круг? Что ты скажешь?

Солнце. Солярный символ. Солнышко ты моё. Женщина целует ребёнка, круглую золотистую голову, на которой только-только появились первые волосы, пух, овсяное поле, одуванчиковые семена, и ребёнок пачкает пальцы в глине, рисует на стене жилища круг, ещё круг, одни и те же фигурки, вырезанные из дерева, слепленные из глины, известняковые шарики, медальоны, медные спирали, солнце падает на пол и катится.

Видишь линию? Щель между досок. Что говоришь? Не слышу. Река? Линия – это река. Река – одновременно и родник, звонкий говорливый младенец, и устье, уставший старик, прислонившийся к смолистому еловому стволу. Она и на севере, и на юге; и в лесу, и в поле; она и лежит, и бежит, но при этом не убегает и не прячется.

Наверное, спит. Примяла подушки травяные, разметалась по времени и пространству.

Если ребёнок не может замкнуть круг, он рисует линию. Когда ребёнок хочет соединить, он тоже рисует линию. От мамы к папе. От себя к родителям. Он придумывает дороги, по которым можно пройти всегда.

А над рекой, далеко в поле стоит на жерди треугольный домик. Волнуется таволга, сорит мелкими белыми цветами, собирают пчёлы пыльцу, мёд получается особенный, болотный, нутряной, земной, зеленоватый. Никто попробует его.

Иногда на крыше домика сидит пустельга, высматривая мышей, но вскоре ей становится неуютно, и она улетает. Древооточцы не трогают ни жерди, ни крохотных стен, ни крыши. Жердь пошатывается от ветра, как больной зуб, но не падает веками. И простоит столько же.

Кто в домике живёт? Кто смотрит из круглого маленького окошечка?..

Он не любит скучных героев, нарисованных пальцами, толстые сюжетные линии и кривые прямые. Не любит приторного мёда. Не любит баюкать тяжёлые души таволги.

Он любит солнце над рекой.

I – ОВОЩ

1 – ГЛАЗНЫЕ ЯБЛОКИ И ХЛЕБ

Бусель приносит хлеб, и я хожу по нему пальцами. Края мягкие, масляные, руки пахнут верандой, росой, июлем. Босиком по мосткам, по рыжей хвое, по лужам. Находившись, начинаю есть. Тосты тёплые, треугольные, пористые.

-Бусель, мы когда пойдём гулять? – спрашиваю я. Вообще-то, её зовут Гузель Юсуповна. Она носит мягкую шапочку, из-под которой обязательно выглядывает одинокая кудряшка и щекоchetся, когда Бусель наклоняется надо мной с глазами каплями. Все Буселины слова – хорошие. Даже если неправильные. У неё щербинка между передними зубами. У неё получается ветер. Кипарисовый ветер. Ещё от неё пахнет финиками, кумкватом, пряностями, ветер уносит воздушного змея, у торговки вырывает пакет из рук, пастила, лесные орехи, корица в палочках...

-Скоро гулять. – Уклончиво отвечает. Она плохо говорит по-русски. – Спи.

Поправляет мою подушку. Мягкая шапочка касается щеки. Выпрямляется, недолго шуршит пакетами у тумбочки. Щёлкает светом. Выходит.

А прикосновение шапочки остаётся. Почти неосязаемое. Как паутина. Паутина. Смородиновые кусты. Астры. Замшелый угол бани. Продираемся заброшенными огородами: я, сестра, Жека, Рана, Ритка, её визгливый пекинес Байтик. Рана выламывает самую трухлявую доску забора, бросает назад (пекинесу попадает по загривку). Несколько щепок прилетают мне за шиворот – замешкался, пытаюсь счистить со щеки паутину. Мы заглядываем в сад. Там две старухи – Устинья и Марфа – собирают яблоки. Щепки ползут по спине, холодные, лягушата слизкие. Устинья вытирает шалью падалицу. Марфа делает всё медленно, как в японском театре. Кажется, вместо лица у неё тяжёлая маска. Если уронить её, представление закончится. Старухи собирают яблоки, мы терпеливо ждём. Жёлтые и белые восковые шарики смотрят из чернозёма. Китайка. Устинья относит вёдра в дом, Марфа глупо и заторможено поводит головой под яблонями. Она нас не видит. Самое белое, самое глазное яблоко надкусывает, не вытирая. У Марфы острые жёлтые зубы, совсем не испортившиеся к старости, и пустые светло-голубые глаза. Смеркается. Устинья возвращается с двумя ржавыми вёдрами. Огрызок лежит в борозде. Выпадает роса. Мёрзнут колени. Старухи собирают последние глазные яблоки и уносят все, даже грязные и порченые, оставьте хотя бы одно!..

Позавчера была сестра. Она тоже угощала хлебом, но не треугольным. Напоминал сырой кирпич, зернистый, замогильный. Начал есть, чтобы не обидеть, как песок глотал (ешь землю — наша страшная клятва), а там — булавка. Я не кричал. Я доел хлеб. Булавку положил под подушку, от сглаза. Так Устинья говорила. Сестра ушла. Помнишь, как мы хотели украсть яблоки и не смогли? Я не спросил её.

Теперь, когда приносят хлеб, я по нему хожу пальцами. Гуляю.

2 – БАБАУСТИНЬЯ

Вчера вот Устинья померла, сказала мама. Посидела молча пять минут. Оставила фотографию. Чью? Зачем? Всё равно не погляжу. Лизнул. Краска вяжет. Значит, свежая.

Я понял уже давно: фотография не отражает и не сохраняет сути. Суть не отражают кривые и грязные зеркала в старушечьих избах. "Божия коровка, скажи кто мой милый, вот тебе крестик, клянусь могилой". Я запомнил это на слух. И медный крестик, позеленевший от времени, болтался где-то рядом, совсем у лица.

Бабаустинья. Имя местного чудовища. По-змеиному хватала за руку, если я оказывался рядом и предлагала "рассказать сказку". Её дом пах кислой капустой, сухо скрипел по

углам, ходил ходуном. Хорошо, что он мне не снится. Я не помню, как он выглядел изнутри. Слишком там было темно. Я слушал сказку. Мне было шесть, ей – сто три.

На сто четвёртом году Устинья переехала к двоюродной сестре Марфе (та была младше, но уже схоронила мужа, чем гордилась, и жила одна на Береговой улице). Первым делом старухи нашли непьющего столяра и заказали ему два одинаковых гроба из светлой древесины. Гробы столяр поднял на чердак Марфиного дома, и там они красиво стояли, как ворота в светлое будущее, приставленные к печной трубе, пока неуклюжая Ритка (мы лазили на чердак тайком) не уронила один из них, перепугав Устинью.

Старуха варила кисель на веранде. И вдруг в кастрюлю посыпалась труха с потолка, раздался ужасный грохот, и ангелы вострубили, и покатился эмалированный таз, и слепая Устинья закричала, обжегшись киселём. Прибежала Марфа с огорода, выронив очередной уродливый корнеплод, похожий на человечка, из пухлых рук. Несла поиграть нам с Риткой – младшим. Мы эти картофелины купали, одевали, устраивали кровати из газет и пышные картофельные именины, свадьбы, похороны.

Рана расквасила неловкой Ритке нос кулаком и извинялась перед старухами, повторяя громче и громче: «случайно мы!.. не сердитесь на Ритку!.. она дурочка!». Ссадины и синяки Рана, старшая, воспринимала как нечто обыденное, за что и получила своё прозвище. «Ну разве это рана?!» – вопрошала она, саркастически поднимая бровь, если кто-нибудь хныкал, разбив коленку, если Ритка теряла очередную помпезную Барби, если ломался велосипед или рвалась одежда.

Жека от греха подальше снёс гробы с чердака в сени, я помог сестре протереть их от пыли, втайне наслаждаясь сосновым запахом, гладкостью дерева, крепостью досок. Одно огорчало – гробом раздавило картофельного человека.

Старухи пили кисель с мусором – мхом, паклей, пылью, предлагали нам, мы, краснея, отказывались.

Ну разве это рана? Сколько раз на дню, интересно, слышит это утешение Марфа? Марфа-плакальщица, Марфа, от которой пахнет кутьей и ладаном, чёрная Марфа, чёрной золой моющая чёрную закопчённую посуду, ищущая в чёрном комодe погребальное полотенце, на котором спустят гроб в могилу, а гроб-близнец останется в сенях, занимайте свои места, дорогие пассажиры, не торопитесь, время ещё есть!

Чёрные сени, чёрная труха, траур, траурная бабочка в закопчённой посудине, чёрный картофельный человек из самого подземелья. Думать про солнце и электрический свет больно, болят глаза. Вспоминать Марфу и Устинью не больно. И я последнее время больше понимаю их недоверие ко всему неизвестно как выглядящему, что на ощупь не то, чем пахнет, а на деле – вообще другое.

Неужели и вокруг меня всё будет черным-черно? Если я не замечу, скажите мне об этом, пожалуйста!

После мамы в обед приходила сестра, смеялась, хвасталась. «Я положила лягушонка в изюм. Марфа Слепошаровна для кутьи мыла изюм, прошляпила на веранде, а я как раз лягушонка туда!».

Бусель как раз зашла меня проведать. Сестра выгнала её из палаты. «Отвали, Суповна, как там тебя». Съела мой обед и ушла. Я долго не мог уснуть. Я теперь тоже боюсь лягушки в кровати, в пакете с черносливом, жареной лягушки, сушёной лягушки, всего, что похоже и не похоже на лягушку.

Но разве это рана.

3 – КАРТОФЕЛЬНАЯ СВАДЬБА

Конечно, я извинился перед Буселью за поведение сестры. Мы долго говорили. Она тоже боится пауков и лягушек. Я спросил, какого цвета у неё волосы. «Белый русый». Не понял, о чём она, но почувствовал: красиво. Спросил, откуда она. Кажется, махнула рукой или помотала головой – я почувствовал движение воздуха. Её бабушка выращивает на продажу капусту и картошку. Когда Бусель приезжает, бабушка готовит ей либо картошку в мундире, либо пюре, либо картофельные оладьи.

-Бусель, ты часто едешь домой? – долгая пауза. То ли мнёт в руках что-то воображаемое, то ли загибает пальцы.

-Нардуган, зима. Урожай, лето. Долгий день. – и она рассказывает про урожай, про капусту сине-зелёную, про поля, похожие на озёра, по которым бегают ветер, про большие поливательные машины, напоминающие богомолы, про долгие дни, когда нужно всё успеть, про ящики, которые её дед сколачивает сам, про картошку, про картофельные свадьбы, их справляют осенью, наутро после того, как жених с невестой остаются наедине.

Я тоже рассказываю про картошку и капусту, как устраивал картофельные свадьбы, как раздавили гробом картофельного человечка (Бусель смеётся), как мы с сестрой и Риткой бегали подрезать чужую капусту, подсекали кочаны, несли на руках, как головы убиенных врагов, триумфально и гордо. Про то, как я лежал в борозде лицом и возле носа моего копошилась личинка майского жука, как ужасно больно было глазам, мои глаза чуть не стали земляными яблоками, но это было ещё ничего, сначала я думал, что лишился головы, не мог нащупать шею-кочерыжку, где-то рядом была сестра и ничего не сделала, а теперь меня помыли-почистили, я боялся, что мне вырежут глазки, как картофелине, а вырезали память, оставили только глупые прибаутки Устиньи; но ты не волнуйся, Бусель, глазки-то на месте, так что увидимся! Сыграем картофельную свадьбу. Мне ведь скоро тринадцать. А может быть, уже. Нет, мама бы сказала.

Я и не заметил, в какой момент Бусель ушла. На одеяле нащупал её дрожащий, упругий волос, наматывал на палец, как учила Устинья: а, б. Бусель. Не стал продолжать.

4 – МАЙСКИЙ ЖУК

-Ему тринадцать, а не три! Ты считать умеешь?! – рассыпалось что-то звонкое за дверью, бубенцы, колокольчики, будто Мороз на серебряной тройке проехал по больничному коридору, сбивая с дверей палат волшебные сосульки. Мне снилось хорошее, и чудо не отпускало, обещало произойти, происходило, заходило в палату. Мама была не одна. Из-за двери рокотал мужской голос. Нестрашный, как гром удаляющейся грозы. В изножье опустилось нечто мягкое, облако присело на край кровати.

-Сейчас солнечно? – спросил я у мамы. Она утвердительно хмыкнула и хлопнула дверью, оставляя нас с облаком и голосом наедине.

-Сын, это папа. – он растерянно постучал ботинком по ножке кровати. – Ты как тут? Тебе игрушки нужны? – спросил утвердительно. – Держись.

Он посадил облако мне на грудь, и я потрогал ватные пушистые бока, примял пышные синтепоновые клочья, нащупал где-то внутри холодящий пальцы колокольчик, атласный хрусткий бант и пару замечательных круглых ушей. При детальном анализе облако оказалось обезглавленным и распотрошённым плюшевым медведем. Бедного лупцевала мать в коридоре, сочтя неподходящим моей возрастной группе.

-Пап. – Этим коротким словом должно было обозначаться разве что какое-нибудь захолустное Пассажирское автопредприятие. Слово повисло в воздухе, лопнуло, как пузырь, оплевав мыльной неживой плазмой моё лицо, и я искал другие, но они лопались ещё у рта, хотя отца угнетало молчание. – Бусель зашьёт. Она умеет. – Я потрещал оторванное ухо медведя.

Мать вошла неслышно и опустилась на деревянный стул. Отец достал из сумки свежесжатый гранатовый сок и, пытаясь напоить, пролил мне на лицо и на больничную подушку, очень извинялся, мать стала кричать на него, отвесила пощёчину (это был звук лопнувшего весёлого воздушного шарика), вытолкала в коридор.

-В медведёй не наигрался, за ребёнком поухаживать не можешь! Самому-то который год пошёл? Возраст Христа, говоришь?! – Искала способы обидеть отца так, чтобы он больше не появлялся. – Мне плевать! Первый раз за тринадцать лет! Явился – не запыхался! Из-за кого мы живём в дыре географии?! Из-за кого ребёнка лечат в муниципальной больнице?! – Слушая, как её вопли гоняют отца по больничной лестнице с этажа на этаж, я пытался заснуть, но казалось, что колючая проволока смотрит мне в глаза, что яблоневые ветки смотрят мне в глаза, что яшень по оконному стеклу выскребаёт из палаты мою душу, что земля просит меня, что это нечестно – деревья смотрят, а я не могу смотреть. Пролитый гранатовый сок (мать так и не вернулась помочь) охлаждал виски и липко крался по затылку, приклеивал к подушке намертво, рукой мертвеца сжимал голову, спи, спи, спи...

Я проснулся от ужаса. Майский жук мне мешал. Щекотал рожками изнутри, оттягивал кожу лапками-крючками, заставлял вибрировать всё окружающее пространство. Это личинка залезла мне в нос и спала до поры, а теперь ожила и ползла по тумбочке, сотрясая многочисленные капли и суспензии, роняя флаконы на пол. Я боялся протянуть руку, схватить жука, накрыть ладонью, и он упал на одеяло – прямоугольный, гладкий.

Я нажал единственную кнопку, подержал, подцепил ногтем хитиновое крыло, вытащил аккумулятор из отцовского смартфона и затолкал расчленённого жука в наволочку.

Стыдно сказать, я даже Бусели его не показал. А медведя подарил. Насовсем.

5 – ОТЪЕЗД

-Бусель, ты будешь звонить мне? – сегодня сняли повязку, я стараюсь рассмотреть Бусель, стоящую в углу, но силуэт выглядит жутким, оплывшим огарком простоявшей десять лет в чулане свечи, сливается с тумбочками и перевернутым чемоданом.

-Бусель, ты не могла бы встать к окошку? – не могла бы. Боится. Мама одевает меня, сотворив вокруг «зону отчуждения» – в сторону летят шарфы, пижамные штаны, мелочь из карманов звонко рассыпается. Мы отъезжаем в местечко под названием Санта-Фе-де-Пэгэтэ или попросту посёлок городского типа, один из сотни таких же пристанционных, пристроенных ни к селу, ни к городу, ничего общего ни с селом, ни с городом не имеющих. Мать бьёт меня тыльной стороной ладони по щеке, но как-то по-доброму, горе ты моё, горюшко, собирайся уже. Я пытаюсь нащупать на полке стеклянные шарики, подарок Бусели, но вижу только блики, солнечные зайчики, как будто ловлю руками свет в мутной воде. Мама властно тянет за шарф. Бусель тепло и недолго держит руку у меня на плече. «Я буду звонить. Я подожду. Нардуган мы встретим вместе». Я смотрю на неё и вижу! Вижу капустные поля, косогоры, солнце, от которого не болят глаза, синие озёра, зелёные леса, Бусель – тонкую, высокую, в красном платке, несущую в подоле много картофельных человечков, идущую ко мне через поле. Ветер растрепал её волосы цвета солнца. Белый русый, бусый, Бусель...

Мать толкает в спину. Я выхожу из палаты. В левом кармане – горсть стеклянных шариков, русалочья икра, в правом – майский жук, странный неживой телефон отца, которым я, слепой, не умею пользоваться. Как будто у меня что-то ещё важное было. Да нет. Ни чёрта не было.

Садимся в автобус. Тряско, пахнет бензином. Справа острый мамин локоть в потёртой дублёнке, слева – чьи-то сумки. Пересаживаемся на электричку, запах бензина сменяется прелью листьев, грибным духом, сыростью. По окну ползут капли, случайно встречаясь с моими пальцами. Я пишу случайные слова: «Божия коровка, скажи...», но путаюсь, не успеваю запомнить положение букв, а капли бегут быстрее, электричка разгоняется. Открываю глаза широко-широко, чувствую ими влажный воздух и, кажется, похмельное дыхание одного из пассажиров напротив. Окно электрички – большое светлое пятно, широкий пруд, расплющенное и равномерно размазанное солнце. Насмотрелся. Холодными подушечками пальцев слегка нажимаю на глаза, возвращаю на место голову, белый свет похож на тесто для клёцок, такой же мучной и мучительный.

-Глаза не три! – Кричит мать, отведывая подзатыльник будто не мне – не чувствую удара из-за мягкой шапки, но глаза — мои драгоценные стеклянные шарики, мои игральные кости, моя ставка на все — едва не вываливаются из орбит, окно застит краснота, становится жарко. Жар спадает, пока мы идём от станции к дому. Трагично вздыхает неизвестная птица. По бетонке едут машины, шатаются тяжёлые плиты – зубы дороги, подрагивает земля.

Дома стеклянные банки, потрепанный диван, соломинки в шерстяном покрывале, мелкое пшено, поленья у подтопка, колючие, занозистые. Ай. Мама оставляет меня за обеденным столом, уходит варить суп. На столе книга, масляная, увесистая. Прижимаюсь щекой к обложке, глажу книгу.

-Ты совсем отъехал, что ли? – Входит сестра. Отбирает книгу. Я боюсь опустить руки на стол, пока не приходит мать с тарелкой.

-Жри. – Тыкает ложкой в зубы. Суп проливается на колени.

-Я сам могу. – Отворачиваюсь, пытаюсь перехватить ложку.

– Ну жри. – Бросает ложку, обрызгав мне лицо. – Я к Зое пойду, потом в сельпо. – Матери я тоже не доверяю. В супе что-то мелкое, пакостное, яичные ошметки, тараканы ножки, сушёные блохи? Беру тарелку и иду к умывальнику. По крайней мере думаю, что иду к умывальнику. Стеклянный шарик Бусели выпрыгивает из кармана, щербато и радостно катится по деревянному полу, но этот звук спустя мгновение поглощается песчаным шлепком, ударом. Сестра подпол оставила открытым. Чтобы я упал. Теперь всё равно придётся лезть. За шариком. Спускаю ноги в подпол, и ветер шевелит мои большие пальцы. Гнильца, паутина, труха... Втянув голову в плечи, ныряю в подпол. Ноги касаются кирпичного крошева. Квадратная крышка бухает над головой, обеспокоенно звякнув металлическим кольцом, мол, не сама я тебя заперла здесь на веки вечные, а сестрица твоя помогла, вот она топчется по мне ногами и кричит радостно:

– Овощ! Овощ ты! И место тебе в подземелье!

6 – ВАН ДЫРАСТ

Тёмно-коричневая репродукция какого-то голландского художника висела в туалете. Я рассматривал её, когда сидел и мёрз там подолгу, скрываясь от сестры. А раньше даже не замечал. Поначалу репродукция казалась тёмным относительно прямоугольным пятном, но после пяти минут тщательного рассматривания где-то там внутри проглядывали круглые

бока овощей, рыжие тыквы, надутая помидорина. Я спросил маму, кто автор картины и как она называется. Мама задумалась на несколько минут, и полумесяцы появились на её щеках, и заплясали робко, и она произнесла тихо:

-Бальтазар... кажется, ван дер Аст. – Но потом сразу пришла в себя, скривила губы, пару секунд подумала, не отвесить ли мне подзатыльник, но расхотела и быстрым шагом вышла в палисад, а я представил себе этого непутёвого Вана Дыраста, сидящего в рваных штанах у дырявого посередине холста, заглядывающего в холст, пронизающего ткань мироздания, любящего тухлые овощи и картошки с глазками, завёрнутые в картины.

Натюрморт был лучшим пособием для учащихся смотреть. К концу лета я уже замечал мельчайшие червоточинки на бледно-восковых яблоках Дыраста, крохотные пятнышки грязи, соринки и трещинки на поверхности стола. Первого сентября я проснулся в четыре, закрылся в туалете на кривой проволочный крючок, аккуратно отковырял репродукцию от дощатой двери, сложил вчетверо и спрятал в карман. Я надеялся успеть написать на ней пару слов о любви для Бусели. В шесть мы с мамой сели на электричку до города, изнутри утыканную гладиолусами и астрами, пахнущую цветами и яблоками. Последний вагон, последний визит в больницу, впервые я увижу мою Бусель.

Пересели на автобус. Стриженные липы бежали вдоль проспекта, оставались позади. Сталинки кусками заветревшегося бисквита перегораживали дорогу, пазик петлял, юрко и живо минуя чугунные ограды, высокие светлые арки. Зловеще возвышалось над сталинками тёмно-серое многоэтажное здание без окон и дверей (по крайней мере, так казалось издали), напоминающее языческого идола, древнюю святыню, неоднократно побывавшую в огне. Оно и оказалось областной больницей.

Врач по фамилии Чуплин похвалил меня, напоказ восхитился динамикой восстановления, размашисто расписался в медкарте. Мама разговорилась с Чуплиным, и я выглянул в коридор. Поздороваться со мной пришли медсёстры, нянечка и даже уборщица Элеонора, порицавшая мой «дырявый рот» (в первое время я не умел обращаться с едой наощупь, и моя кровать была усыпана крошками от плюшек). Я вдруг почувствовал себя сказочным царевичем, угадывающем в одной из множества девушек черты заколдованной невесты. Черноглазка с длинными коралловыми ногтями; восхищённо улыбающаяся блондинка, халат которой чем-то испачкан в районе правой ключицы; русая, волосы собраны в пучок, в руках её капельница, а из кармана халата выглядывает красный платок, бусая, разумеется.

-Бусель! –прошептал я, улыбаясь ей, и чары спали, и царевна-лягушка сушёная, прятаясь всё это время за спинами красавиц, высунула жёлтоглазую морду, морщинистую и лиловатую, как перезревший финик. Она старше матери. Редкие волосы на солнце. Тонкий стеклярус, ветхая паутинка. И правда, бусые. – Хорошо глаза? Теперь домой? – и я узнаю голос серебряной девочки, своей невесты.

-Хорошо... Да, домой. — стараюсь быть серьёзным, а за спиной как будто ручей проснулся — Черноглазка о чём-то хихикает с Капельницей. — Спасибо Вам. – и «Вы» с большой буквы надувается пузырьком перед лягушачьей мордой, и морда пускает пузыри. – Скучать буду, мама звонить... Нардуган домой, совсем домой...

Чуплин с матерью выходят в коридор, и мне приходится бежать за ними, бросив здесь на больничном кафеле и сушёную лягушку, и память о серебряной девочке Бусель.

До электрички полтора часа, мать идёт за сложносочинёнными особыми очками для меня, а я остаюсь в зале ожидания, булькающий голос объявляет номера поездов, роюсь в кармане, достаю телефон отца, чтоб рассмотреть как следует. Чёрный, продолговатый,